

Михаил Пойзнер

«Мой брат был настоящим одесситом...»

13 августа 2013 года исполняется 100 лет со дня рождения замечательного композитора Модеста Ефимовича Табачникова.

Модест Ефимович родился в Одессе, через всю жизнь пронес любовь к нашему городу. Его неповторимая «У Черного моря» (на слова Семена Кирсанова) стала визитной карточкой Одессы. Давно и навсегда...

Одесса преподносит и преподносит сюрпризы.

Рассказывает родная сестра Модеста Ефимовича – Бэлла Ефимовна Добровольская.

...Табачниковы, можно сказать, коренные одесситы.

Мой отец Ефим Яковлевич родился в Одессе в 1885 году. Больше 40 лет проработал у нас на табачной фабрике. Представляете – Табачников... на табачной фабрике!

Начинал с 9 лет «мальчиком на побегушках», дошел до начальника укладочного цеха. Кстати, табачная фабрика Попова находилась на Пушкинской улице, на месте нынешнего Центрального универмага. Старое здание фабрики разбомбили то ли немцы, то ли наши уже в апреле 1944 года.

Жили мы очень скромно.

Отец запомнился веселым словоохотливым человеком. С юных лет он был вовлечен в революционную работу, хотя членом никакой партии никогда не был. От преследований дважды (!) бежал в Америку. Вернулся в Россию в 1913 году. Участвовал в первой мировой войне, был в австрийском плену целых 4 года и 10 месяцев (!). Получилось, ушел в 13-м году, вернулся аж в 18-м.

Папа умер в 1939 году.

Мама родилась в Одессе в 1892 году. В нашей семье, конечно, она была самой главной.

Манус, которого мы дома называли Мoneй, родился в 1913 году. Это уже потом его стали называть Модестом. Кстати, Манус по-древнегречески означает «единственный». Так оно и оказалось...

Мама вспоминала, что когда отец вернулся из плена, Мoneя, которому тогда было около 5 лет, не хотел его впускать в квартиру на Преображенской, 83: «Мама сказала чужих не пускать...».

Когда Мone не исполнилось и трех лет, как-то мама застала его сидящим на полу. Он бил посуду, прислушивался к звукам и тут же удивительно точно воспроизводил «ртом» эти звуки, эту мелодию вот-вот звенящей посуды.

Тогда наш сосед портной Кемпер остановил маму: «Ну ты посмотри, какой сморкач?! Дора Исаевна, только не мешайте ребенку! Я откуплю вам посуду. Только не мешайте! У него же в глазах

«горит» музыка...». Это было еще на Преображенской, 83. Прямо напротив Привоза.

Все мамы влюблены в своих детей, они помешаны на них. Моя мама – не исключение... Рояль «Беккер» мы купили, когда уже перебрались на Карла Маркса, 85. Родители очень хотели, чтобы Моня учился музыке. А вообще он занимался в школе № 3, в Книжном переулке – там, где сейчас библиотека Ивана Франко. Учился Моня и в музыкальной школе.

Сразу после школы он пошел работать к отцу на табачную фабрику. Тогда на фабрике было аж два оркестра – духовой и струнный. Моня там буквально пропадал!

В 1931 году он поступил в консерваторию, тогда Одесский музыкально-театральный институт. В 1933 году женился на Бэлле Соломоновне, которая работала бухгалтером, хотя тоже окончила консерваторию. Жили они тогда на Пушкинской, 54. В 35-м родилась дочь Аида. Сейчас она в Лос-Анджелесе. Вот она точно носит фамилию Табачникова!

В мае 1941 года семья распалась. Моня вернулся к нам, на Карла Маркса, 85.

Потом началась война.

Перед самой войной он, кажется, заведовал музыкальной частью Одесской киностудии.

...Еще в 17 лет Моня тяжело переболел менингитом, и хотя был не военнообязанным, с «белым билетом» пошел добровольцем на фронт. Уходил от нас, с Карла Маркса, 85. Уже 25 июня (!) в Приморском военкомате, на Белинского и Чижикова, получил мобилизационное предписание явиться в воинскую часть. Помню, в Раздельную, в батальон аэродромного обеспечения.

Прощался с нами в форме лейтенанта. Мама сказала: «Надень шелковую рубашку, в ней не держатся... вши». После войны он эту рубашку маме вернул...

А в Раздельной какой-то генерал услышал, как он играет на аккордеоне, и забрал его в политуправление Южного фронта. Уже здесь Моня руководил ансамблем, фронтовым театром. Здесь он создал знаменитые «Давай закурим», свой вариант «Ты одессит, Мишка». И многое, многое другое.

...Помню Одессу периода обороны.

Мама долгие годы была уполномоченной по нашему дому. Она пошла в Дом офицеров (теперь это здание кинотеатра «Одесса») за эвакуаталонами. Там оказался Монин приятель. Эвакуаталон, однако, он выдал только маме: «Молодым не могу, пусть идут пешком». Мама успела уйти морем на «Курске». Сначала до Новороссийска, потом в Сталинград. Их, конечно, бомбили. Но слава Богу...

Я ушла из Одессы 3 июля – пешком вместе с семьей маминой сестры (они бежали в Одессу из Кишинева). Всего 8 человек.

Мы дошли до Николаева, потом на товарняке с асбестом до Запорожья. Здесь попали под бомбежку. Дальше опять на товарняке – до Сталинграда. В Сталинграде жили на стадионе. Здесь я написала мелом на стене: «Я Бэлла Табачникова из Одессы! Со всеми едем в Гурьев». Повезло – мама прочитала мою весточку и, хотя могла ехать в Саратов, направилась тоже в Гурьев.

Мы же в Гурьеве надолго не задержались. Из Гурьева почтовым поездом доехали до Ташкента, потом – Сталинабад (это теперь Душанбе). Уже в Сталинабаде получила на почте «до востребования» письмо величиной в спичечный коробок из Чарджоу от одесской подруги Аллы Лукашенко: «Если это ты, вот тебе адрес мамы в Гурьеве». Я снова вернулась в Гурьев.

Переезды, вагоны, дети, слезы, горе... И сейчас все стоит перед глазами.

Тогда я работала старшим механиком телеграфа – занималась и военной связью, и ремонтом, сборкой аппаратуры. Здесь меня даже представляли к правительственной награде.

Мама разыскала Моню, он прислал свой аттестат, то есть деньги – для мамы, для первой жены и ребенка. Мама лишь сказала: «Так надо...». Вообще, Моня постоянно писал нам в эвакуацию. Писал скупно, но с большой любовью.

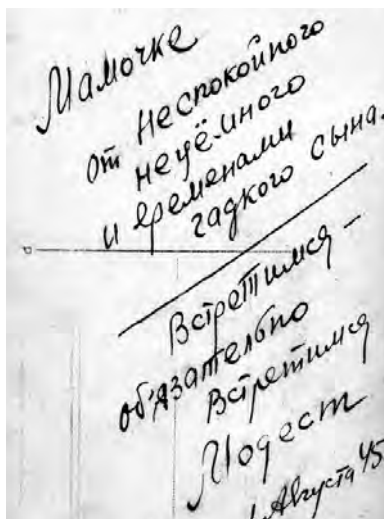
Питались мы как все. С продуктами очень тяжело. В Гурьеве мяса практически не было. Только рыба. Даже здесь мама умудрялась делать пироги и вареники с рыбой.

Из Гурьева вслед за первой женой Мони я с мамой переехала на станцию Алга, в Актюбинскую область.

Здесь устроилась в госпиталь. С 8 лет я активно занималась спортом, поэтому сразу же начала работать в кабинете лечебной физкультуры. Работы хватало...

Потом из Актюбинской области мы перебрались в Челябинск. На знаменитом Челябинском тракторном заводе работала моя двоюродная сестра. Я стала начальником отдела связи. Работала утром, днем и ночью. Здесь мы пробыли до июля 44-го. Здесь узнали об освобождении Одессы.

Забегала соседка: «Я слышала – взяли Одессу-Товарную!». Мы поняли, что еще бук-

важно пару часов – и Одессу освободят! Я выскочила на улицу. Люди скручивали газеты, зажигали факелы. По Челябинску двигались толпы!

Я на радостях даже сделала сальто со стола на пол! И слезы, слезы...

А как я возвращалась в Одессу?

Меня долго не увольняли с работы.

Потом Пересыпкин – маршал и командующий войсками связи – приказал откомандировать специалистов на восстановление связи в Одессе. Так я вернулась домой. Мама же оставалась в Челябинске до июля 1945 года.

В Одессу я добиралась поездом с тремя пересадками: Челябинск – Харьков – Кременчуг – Одесса. Помню, перед самым отъездом заработала малярию. Мама сварила лекарственный настой на основе спирта, хины, яичного белка. На дорогу мне дали две пол-литровые бутылки этого «лекарства» и две бутылки настоящей московской водки. В Кременчуге аж за две бутылки быстро закомпостировали билеты. Только в Одессе я поняла, что перепутала бутылки – вместо водки я отдала бутылки «хины». Можно себе представить, с чем столкнулись в Кременчуге...

В Одессе еще пили соленую воду – кипятили, потом отстаивали. Водопроводное хозяйство в Беляевке не работало.

Сначала остановилась на Карла Маркса, 85, у соседки. Вспомнили и помянули многих. Война... Потом некоторое время жила у двоюродной сестры.

Тогда в нашей же квартире на Карла Маркса, 85, жил какой-то военный летчик. Этот вообще-то чужой нам человек писал моей маме в эвакуацию, отвечая на ее весточку: «Не волнуйтесь! Я ключи оставлю у соседей...».

Однако нашу квартиру занял врач из Лермонтовского санатория. Мама жаловалась. Из Киева написали, чтобы немедленно освободили квартиру. Однако одесские власти не послушали... Для нас это не новость.

Так поступали со многими одесситами, вернувшимися из эвакуации.

...Первым исполнителем «У Черного моря» был Леонид Осипович Утесов. Как я понимаю, отношения между Модестом Та-

бачниковым и Леонидом Утесовым были очень дружелюбными и уважительными.

Летом обычно Модест Ефимович проводил под Москвой, на даче в Красной Пахре. Время от времени мама приезжала к Моне (мама умерла 1 мая 1976 г.). Когда она собиралась в Москву, обязательно брала с собой два картонных пенала с копченой и малосольной скумбрией. Всего что-то 50 штук. Модест Ефимович непременно угощал Леонида Осиповича. Тот всегда говорил: «Передайте мамаше спасибо!». Мама всегда с улыбкой возражала Утесову: «Почему вы говорите «мамаше» – я всего на два года старше вас...».

Леонид Осипович любил поднести скумбрию под нос кому-нибудь из оркестра: «Вот – это Одесса!..». Оркестранты «возму-

щались»: «Леонид Осипович, так дайте попробовать!». Утесов отшучивался: «Нет, нет! Это только мы, одесситы, понимаем на этот вкус...». Даже мог в шутку кому-то поднести под нос смачную фигу... Еще была жива его жена Елена Осиповна, он спешил домой – обрадовать ее таким одесским подарком.

Как-то в Одессе в начале 70-х годов Модест Ефимович решил познакомить внука Гену с Леонидом Осиповичем. Утесов сидел на Приморском бульваре возле «Лондонской».

Модест Ефимович подвел к нему внука: «Гена, познакомься, это Леонид Осипович Утесов». Утесов мальчика расцеловал и... расплакался, повторяя: «Почему Бог меня так обидел? Почему не дал внуков?!». Модест Ефимович быстро увел Гену в сторону...

Гена умер полгода назад, ему было всего 52 года.

...Когда брат приезжал в Одессу, всегда останавливался в «Лондонской» или «Красной». Чаще все же в «Лондонской» – там в номере стоял рояль.

К нам всегда приходил в гости. Мы жили тогда на Французском бульваре, 14б, в доме работников искусств. Прямо напротив киностудии. Квартиру эту получил мой муж Николай Иванович Добровольский. Тогда он был заведующим труппой нашего Украинского театра. Кстати, они с Моней были одногодками (Моня младше аж на 4 дня), даже в детстве вместе гоняли в футбол на Карла Маркса, 89, – на полянке, на месте когда-то разрушенной синагоги.

Вообще, мой Николай Иванович родился и вырос на Старорезничной, рядом с Шалашным переулком. Одна русская семья на два квартала! Здесь жили только евреи и... воры. Поэтому двери в квартирах никогда не закрывались... Николай Иванович, в отличие от меня, свободно общался на идиш. Он умер в 1992 году.

Модест Ефимович был чрезвычайно скромн. Никогда не напоминал о себе, не требовал к себе особого отношения. Уходил в сторону, старался не быть в центре внимания.

Очень любил одесскую кухню – жареные бычки, селедочку, «синенькие», вареники с вишней, наши салаты, соленья.

Вообще, когда Модест Ефимович где-то слышал слово «Одесса», всегда настороженно прислушивался. Как бы это брало за живое...

В Одессе он отдыхал душой. Когда брат приезжал, наш дом был полон людей, все соседи были у нас в квартире. Одним словом, большой праздник.

Я ведь сама музыкант-самоучка, читаю ноты, играю на пианино. Да и моя дочь Марьяна была музыкантом. А Моня был

очень одарен, красиво пел. Это в нашего папу, Ефима Яковлевича. Так что поддержать компанию он мог.

Живя в Москве, очень активно и энергично болел за наш «Черноморец».

На вопрос: «А когда «Черноморец» играет в Москве, за кого вы болеете?» – Модест Ефимович отвечал: «Тогда я вообще не хожу на стадион, что-то плохо себя чувствую...».

Думаю, сейчас мало кто знает, что Моня еще до войны написал «Жемчужину у моря» – песню об Одессе. Он автор и слов, и музыки. С его легкой руки после этой вещи об Одессе начали говорить как о жемчужине.

Песенка эта в Одессе была очень популярна. И вот как-то вечером Моня пошел в «Лондонскую», чтобы поговорить с музыкантами. Когда он возвращался поздно к себе на Пушкинскую, 54, его остановили: «Снимай пальто, снимай шляпу, скидывай пиджак...». Когда он снимал пиджак, из внутреннего кармана выпал нотный лист... с музыкой и текстом «Жемчужины у моря». На листе было написано: «М. Табачников». Подозрительно спросили: «А как к тебе это попало?!». Моня ответил: «М. Табачников – это я». Ему вернули всю одежду. Поинтересовались, куда идет, где живет, и отпустили со словами: «Мы уже «срисовали» твой портрет. Теперь можешь ходить, когда хочешь и где хочешь. Никто тебя никогда не тронет».

Его «Жемчужину у моря» запели сначала в Одессе, а затем она разлетелась по всему миру...

...Уже не помню, когда первый раз услышала «У Черного моря», но каждый раз, когда слышу эту мелодию – подступает комочек к горлу. Поверьте, когда поется «...и каждой весной так тянет туда, в Одессу, мой солнечный город», так в Одессу Модеста Ефимовича тянуло не только весной. Всегда тянуло... Мой брат был настоящим одесситом. К Одессе он относился как-то подчеркнуто.

С Одессой его связывали и наша семья, и детство, и улицы, и довоенные товарищи. В оккупацию многие погибли, многие погибли на фронте. Образовалась «одесская пустота». Может быть, и поэтому ему было тяжело часто бывать в Одессе. Все это навредило на грустные мысли...

Первый раз после войны Модест Ефимович приехал в Одессу только в 47-м году, после демобилизации.

Мне говорили, что «У Черного моря» теперь крутят на одесском вокзале, вслед уходящим скорым поездам. Получается, что каждый скорый поезд уносит с собой частичку Одессы, частичку души Модеста Ефимовича...

Модест Ефимович ушел из жизни 31 января 1977 года.

Хоронила его вторая жена Рита Борисовна и сын Евгений Модестович.

Похоронен он в Москве на Востряковском кладбище, 42 участок.

...Бэлле Ефимовне Добровольской 18 сентября исполнится 93 года.

Эта обаятельная, по-одесски ироничная женщина хранит все, что связано с братом, Модестом Ефимовичем Табачниковым, и Одессой в различных проявлениях – будь то история, театральная жизнь, футбол, порядок на улицах или в душах одесситов. Круг ее интересов безграничен.

Она буквально подавляет своей молодостью.

Мы пересматриваем фотографии из семейного архива. Детство, юность, война, разруха, лица друзей и близких, одесские улицы.

Вот дом 85 по теперь уже Екатерининской улице.

Сегодня здесь строительные леса. После ремонта уже мало что будет напоминать о былой жизни этого выдавшего виды одесского дома.

Уже никто не помнит, как маленький Моня с нотными тетрадками выбегал из этого дома.

Уже никто не помнит, как Модест Ефимович входил сюда – последнее одесское пристанище.

Как мечтал увидеть этот дом своими глазами, пройдя военное лихолетие.

А слова *«Снова нас Одесса встретит как хозяев, Звезды Черноморья будут нам сиять...»* из его легендарной *«Давай закурим»* с надеждой повторяли тысячи одесситов, сорванных войной с родных мест. И только ли одесситов?..

Одесса воспитала, поставила на ноги и благословила Модеста Ефимовича Табачникова на музыкальное творчество, на служение Ее Величеству Музыке. Им создано более 230 произведений, он дружил с такими разными Ильей Френкелем, Семеном Кирсановым, Леонидом Утесовым, Владимиром Дыховичным, Константином Симоновым, Марком Бернесом, Яковом Хелемским... Личностями масштабными и знаковыми. При этом Модест Ефимович оставался самим собой. Когда музыка прежде всего, когда самоотдача любимому делу беспредельна, когда все остальное на последнем плане.

...Одесса останется Одессой, пока рождает и дарит миру людей с творческим зудом, всепоглощающей любовью, неисправимых романтиков с пронзительным характером и устойчивым против равнодушия стержнем.

Таких, как Модест Ефимович Табачников, память о котором в Одессе не должна быть короткой.

